

**ПРИДВОРНЫЕ КОРОЛЕВСКИЕ ЦЕРЕМОНИИ
И ИХ РЕЦЕПЦИЯ В ПРАЗДНИЧНОЙ ЖИЗНИ
РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ***

Томаш Цесельский

Опольский университет,
Ополе, Польша

**CELEBRATIONS AT THE ROYAL COURT
AND THEIR RECEPTION IN THE FESTIVE LIFE
OF THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH**

Tomasz Ciesielski

Opole University,
Opole, Poland

The author traces the transition of the royal court of the Polish-Lithuanian Commonwealth to the Western European model of court ceremonies, which lasted for almost two centuries, from the sixteenth to the eighteenth centuries. Initially, they followed the ceremonial models of the House of Habsburg and, starting in the 1640s, the French ceremonial, refined at the Versailles of Louis XIV. Meant to extol the monarch in the eyes of subjects, such ceremonies became widespread under kings of the House of Vasa, Michał Korybut Wiśniowiecki, Jan III Sobieski, and the House of Wettin. Many etiquette elements and ceremonial patterns were borrowed and adapted to the needs of the wealthy Polish and Lithuanian nobility, who followed the example of the royal court in Krakow and Warsaw. The author concludes that the borrowed cultural models had a significant influence on the everyday life of residences and palaces and on the theatricalisation of private aristocratic ceremonies, which was reflected in the way nobles dressed, moved, the style of music they played, and in illumination and the use of fireworks. Balls grew considerably more important; in the eighteenth century, opera and

---

* *Citation:* Ciesielski, T. (2020). Celebrations at the Royal Court and Their Reception in the Festive Life of the Polish-Lithuanian Commonwealth. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1241–1254. DOI 10.15826/qr.2020.4.525.

Цитирование: Ciesielski T. Celebrations at the Royal Court and Their Reception in the Festive Life of the Polish-Lithuanian Commonwealth // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1241–1254. DOI 10.15826/qr.2020.4.525 / Цесельский Т. Придворные королевские церемонии и их рецепция в праздничной жизни Речи Посполитой // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1241–1254. DOI 10.15826/qr.2020.4.525.

play productions attracted more interest. These elements are the most significant borrowings from the ceremonial practices of the Western European and local royal courts of the Warsaw-Dresden House of Wettin. However, the ceremonial culture of the Polish-Lithuanian aristocracy retained a number of traditional elements, which is especially noticeable in the organisation of weddings, funerals, and religious rituals. The author maintains that in magnate and aristocratic courts, they followed a ceremonial pattern which united elements of both traditional and new types of ceremonies. A similar tendency was characteristic of Russia, where in the eighteenth century, traditional customs were integrated into a new system of organising celebrations borrowed from Western Europe while retaining a number of unique elements.

Keywords: history of Polish culture; court ceremonies; coronation; funerals; weddings; palace and park complexes.

Автор прослеживает процесс перехода королевского двора Речи Посполитой к модели организации придворных церемоний по западноевропейскому образцу, длившийся почти два столетия (с XVI по XVIII в.). Первоначально они были созданы по аналогии дворов правителей династии Габсбургов, а с 1640-х гг. – французских церемоний, доведенных до совершенства при версальском дворе Людовика XIV. Направленные на восхваление монарха в глазах подданных, они получили распространение при дворах королей династии Васа, Михаила-Корибута Вишневецкого, Яна III Собеского и двух монархов династии Веттинов. Множество этикетных элементов и схемы организации придворных церемоний оказались востребованы и приспособлены магнатами и богатым польско-литовским шляхетством, для которых королевский двор в Кракове и Варшаве стал образцом. Автор приходит к выводу о том, что заимствованные культурные модели оказали очень сильное влияние на повседневную жизнь в резиденциях и дворцах, а также на театрализацию частных церемоний знати, проявившуюся в манере одеваться, в движениях, жестах, в стиле исполнявшейся музыки, в иллюминации и фейерверках. Все большее значение приобретали балы, а в XVIII в. – постановки опер и театральных пьес. В этих элементах наиболее отчетливо видны заимствования из практики королевских западноевропейских и местных дворов XVIII в. варшавско-дрезденской династии Веттинов. Тем не менее, в церемониальной культуре польско-литовской знати были сохранены некоторые из традиционных элементов, что особенно заметно в организации свадеб, похорон, а также в религиозных обрядах. Автор утверждает, что в Речи Посполитой при магнатских и шляхетских дворах была создана собственная схема празднования важных семейных торжеств, соединившая в себе элементы как традиционных, так и новых видов церемоний. Аналогичный процесс имел место и в России, где в XVIII в. традиционные обычаи также оказались интегрированы в новую систему организации праздников, заимствованную из Западной Европы, при сохранении ряда самобытных черт.

Ключевые слова: история культуры Польши XVII и XVIII вв.; придворные церемонии; коронация; похороны; свадьбы; дворцово-парковые комплексы.

Государственные праздники, годовщины событий культурной, политической, социально-экономической, церковной истории играют значительную роль в современном мире. Они нацелены на формирование и укрепление государственной и национальной идентичности, служат укреплению имиджа власти, нередко несут пропагандистскую нагрузку. Неудивительно, что их внешнему оформлению, ритуализации придается большое значение. Повторяемые из года в год, а иногда, в зависимости от традиции и текущих потребностей, по несколько раз в году, такие празднования прочно входят в политическую, культурно-просветительскую и общественную жизнь, социальную практику.

Такого типа торжества, инспирируемые церковным литургическим церемониалом, сохраняли на польских землях на протяжении нескольких веков случайный характер, организовывались по ситуации, в связи с коронациями и похоронами властителей, бракосочетаниями членов правящей семьи или визитами коронованных глав. Торжества эти были связаны с особой правителя и его семейным кругом, как с самым узким, так и с целой династией. Связь подданных с монархом основана была на ленных отношениях, а позднее – на принципе абсолютной власти, что не вполне соответствовало действительности в Польском государстве, в котором короли с XV в. избирались шляхтой. Однако это не мешало постепенному присвоению западноевропейских элементов этикета и придворного церемониала, которые сформировались под влиянием бургундской модели и в первой половине XVI в. были приняты французским и венским дворами, главным образом испанскими Габсбургами [Hofmann, p. 49–73; Taracha, s. 104–105; Solnon, p. 174–185].

Габсбургская монархия была первой, в которой такие церемониальные формы стали формально регламентированными благодаря правилам придворного церемониала, изданным в 1547 г. Карлом I (Карлом V), а потом Филиппом II в 1562 и 1579 гг., они окончательно утвердили их, придав церемониалу при мадридском дворе обязательный характер [Tende, s. 36–37]. Они стали цикличными, вписанными в контекст монументальной (дворцовой и парковой) и окказиональной архитектуры, и благодаря богатой иллюминации и музыке, вниманию к инсценировочным деталям (участию военной свиты, нарядам, жестам, словам) сделали важным элементом поддержания авторитета монаршей власти.

В Польше факторами, способствовавшими быстрой адаптации испанских эталонов через австрийских Габсбургов, были супружества Казимира IV Ягеллончика и первых Васа с австрийскими принцессами, существовавший при польском дворе со Средневековья регламентированный праздничный религиозный церемониал, а также коронационные и погребальные церемонии монархов (*Ordo coronandi regnis Poloniae* 1434 г. и его модификация начала XVI в., погребальный церемониал 1548 г.) [Kutrzeba, s. 149–164; Dalewski, s. 37–60; Borkowska, 1986, s. 135–159; Borkowska, 1999, s. 61–84].

В начале XVI в. в Польском королевстве начали появляться новые формы церемониальных торжеств, например, обычай разбрасывать или раздавать монеты и специальные медали. Первоначально он был связан с королевским церемониалом (коронациями, бракосочетаниями, похоронами, торжественными выездами), позже практиковался и во время магнатских выездов и семейных торжеств, сохраняясь до XVIII в. [Panfil]. В период короткого правления Генриха Валуа (1573–1574) в Польше распространились популярные в странах Западной Европы церемониальные выезды монархов, сопровождавшиеся роскошным архитектурным и художественным обрамлением, военной свитой, пушечными залпами и фейерверками [Ceremonial Entries, p. 37–295]. Постоянный характер имело возникшее в XVI в. и роскошно оформлявшееся празднование годовщин коронации монарха. Частный характер сохраняли семейные праздники правящих родов, такие как именины короля и королевы, рождения их детей и т. п. Они отмечались в кругу, состоящем из наиболее доверенных придворных, но в пышной обстановке. Очевидно, что организаторы празднеств при дворе Ягеллонов и первых избранных королей следовали габсбургским образцам, а в середине XVII в. модель стал усвоенный уже многими европейскими дворами французский церемониал, глубоко укоренившийся в барочной эстетике, согласно которому торжества должны быть «роскошью, возведенною в ранг искусства» [Alewyn, s. 14; Kodzik, s. 26].

Процесс принятия французских эталонов начался в Речи Посполитой благодаря королеве Людовике-Марии в конце правления Владислава IV и во времена Яна-Казимира и стал полностью доминирующим при Яне III Собеском [Tende, s. 39–46]. Модель придворной жизни и организации публичных празднеств был доведена до совершенства в правление Веттинов (1697–1763). Касалось это главным образом самых важных публичных выступлений короля. Кроме акта коронации, который проводился согласно обязательному *ordo coronandi* с большой роскошью даже в военное время (17 января 1734 г.), и сопутствующего ему погребального торжества прежнего повелителя, особое значение придавалось выездам монархов и аудиенциям, предоставляемым послам других коронованных особ. Юбилейные торжества при веттинском дворе приобрели характер публичных праздников. Но это были не единственные придворные торжества; ряд из них, относящийся к частным событиям жизни правящего дома, в силу своей значимости носил «пограничный» частно-публичный характер. Таковыми были дни рождения и именины членов самого близкого семейного круга короля, а также европейских правящих семей, с которыми Веттины имели родственные или политические связи (их празднование происходило только в месте пребывания монаршего двора) [BC. Nr 2740, s. 249, 645, 647–652, 683; KP. 1731. No. 56, 61, 63; 1746. No. 513; Staszewski, 1986, s. 77; Ciesielski, 2014, s. 24–30].

Для непосредственных участников торжества, то есть приглашенных придворных и высших сановников, в закрытых пространствах монарших резиденций давали пиры, балы, организовывали театральные представления, подвижные игры и охоту. Обязательным элементом празднований были торжественные обеды и ужины. В правление Августа II значительную роль при этом играл алкоголь, но во времена Августа III главное значение приобрели качество и изысканность подаваемых блюд. Алкоголя подавали немного – столько, сколько надо было для подчеркивания вкуса блюд и улучшения пищеварения. Завершали трапезу богато украшенные кондитерские изделия. Неудивительно, что пиры, организованные польско-саксонским двором, стали образцом самого высокого качества; это нашло отражение даже в поговорке: «Ел, как у польского короля» [Staszewski, 2010, s. 183, 263–265, Ciesielski, 2014, s. 31–32].

Важным элементом торжества были балы, которые начинались в послеобеденные часы и продолжались до поздних вечерних часов в богато украшенных и ярко освещенных залах. Когда церковный календарь или другие обстоятельства препятствовали организации бала, его заменял более спокойный раут. Театральные зрелища были при королевско-княжеском дворе постоянным элементом юбилейных торжеств, особенно это касалось дней рождения и именин династов. В репертуаре доминировали итальянские комедии и оперы, особенно часто в 1739–1763 гг. ставились произведения Иоганна-Адольфа Хасе [КР. 1748. No. 720; 1749. No. 635, 692, 698; 1750. No. 743, 750; 1751. No. 796; 1753. No. 53. 1759. No. 32; Staszewski, 2010, s. 78; Żórawska-Witkowska, s. 213–230].

* * *

Устройство разного вида семейных торжеств с XVI в. составляло важный элемент жизни не только магнатских и шляхетских дворов, но и мещан. Самой давней была традиция организовывавшихся с большим размахом погребальных мероприятий. Они были очень схожи с королевским ритуалом, в особенности при похоронах представителей знатных родов, гордившихся давними рыцарскими традициями. Происходили они чаще всего при отправлении католической литургии, но пышность и торжественность католических траурных церемоний импонировали и протестантам и были восприняты ими. Существенную роль в погребальной обрядности играли также светские обычаи, которые проистекали из традиций «как славянских похорон, так и античных обрядов» [Chróścicki, 1974, s. 257]. Из новых гораздо сильнее, чем западноевропейские, проявлялись оригинальные «сарматские» элементы, подчеркивавшие рыцарские традиции рода. К таковым относились разламывание военной амуниции, въезд в костел и падение с коня лица, представляющего покойного, несение лишних носилок, введение коней или военное сопровождение.

Они составляли важный элемент зрелища, насквозь театрального, для которого привлекался многочисленный круг плакальщиков: семья, друзья и дворовые люди, белое и черное духовенство. К похоронному оформлению относились ценные наряды, в которые одевали покойных, гробы и саркофаги, портреты и гербы, изображенные на серебряных пластинах, богато украшенные катаfalки и так называемый *castrum doloris*¹ во главе. Погребальные торжества продолжались часто по нескольку дней, а их кульминацией становились поминальные пиршества [AGAD (Archiwum Radziwillowskie). Dz. VI. Nr 80a, s. 1283–1285; BPP. Nr 26, s. 9–10; KP. 1739. No. 116; Chróścicki, 1974, s. 43–94, 208–256; Ciesielski, 2012, s. 519–531; Żeromska-Ciesielska, 2004, s. 191–194].

Торжества, связанные с помолвками и бракосочетаниями, также организовывались с проведением христианской литургии, но при этом имели свои корни в славянской дохристианской традиции. Проистекавшие из нее светские обычаи были настолько сильны, что долго не ощущалось какой-либо необходимости обогащать их элементами, позаимствованными из церемониала королевского двора. Главным событием праздника, кроме самого акта бракосочетания в храме, был свадебный пир, который начинался в послеобеденное время (в четвертом или пятом часу) и продолжался до поздней ночи. Сопровождали его танцы, которые открывали старейшие участники пира. В конце XVII в. свадебный бал стал приобретать новые черты, сближавшие его с придворным торжеством. В первую очередь это касалось танцев: кроме традиционных, часто народных – гоненого и полонеза, – на свадьбах знати стали танцевать модные на Западе и при дворе гальярду, менуэт, гавот, кадрили и англес. Свадебные торжества в домах магнатов и шляхты длились по нескольку дней. Примером могут служить две свадьбы князя Михаила-Казимира Радзивилла. Первая с княжной Франциской-Урсулой Вишневецкой началась в середине дня 22 апреля 1726 г. с исповеди и получения благословения молодыми. Сам акт венчания состоялся среди ночи, что не препятствовало тому, что сразу после него начались великолепные церемониальные танцы и показ фейерверков, продолжавшиеся до рассвета 23 апреля. Приемы и балы по случаю бракосочетания продолжались до 27 апреля, то есть пять дней [AGAD (Archiwum Radziwillowskie). Dz. VI. Nr 80a, s. 200–201]. Вторая свадьба в январе 1754 г. с Анной из рода Мыцельских прошла в менее значительной оправе, но была похожа на первую по схеме, и хотя на ней был организован только один обед с балом, торжество продолжалась четыре дня [Ibid., s. 1944–1945].

---

¹ «Castrum doloris» (лат. – замок скорби; в русской традиции с начала XVIII в. – «печальная зала») – особым образом убранный церемониальный покой для прощания с усопшим монархом, членами правящей династии или представителями знати. Под «castrum doloris» могли понимать и богато украшенный постамент для гроба под балдахин, и сень как род шатра, который несли во главе похоронной процессии.

Свадьбы в магнатских и шляхетских дворах уподоблялись аналогичному церемониалу монарших дворов в меньшей степени, чем празднование других семейных торжеств. Бывали, однако, и отступления от этого. Таким был возникший при королевском дворе Васа в середине XVII в. и распространившийся в магнатских дворах в XVIII в. обычай организации бракосочетаний дворских и доверенных слуг. При этом в торжествах участвовали не только организаторы, то есть феодал с супругой, но и приглашенные гости из лучших шляхетских родов [AGAD (Archiwum Radziwillowskie). Dz. VI. Nr 80a, s. 111, 1134, 1230, 1261, 1433–1434; BPP 26, с. 89; Fabiani, s. 114].

Благодаря заимствованию элементов придворного церемониала свадебные празднества польско-литовской аристократии походили на проводимые знатью соседних стран, в том числе и России. Показательной в этом отношении являлась свадьба великого гетмана коронного Франциска-Ксаверия Браницкого с Александрой-Екатериной Энгельгардт, племянницей князя Григория Потемкина, придворной дамой Екатерины II, которая состоялась 23/12 ноября 1781 г. в Санкт-Петербурге. Она отличалась по проведению от аналогичных торжеств, организованных в Речи Посполитой, лишь православной литургией и тем, что самым важным участником празднества была русская императрица, которая лично позаботилась о соответствующей организации свадебной церемонии [APL (Zbior Bartoszewiczów). Nr 265].

В польских шляхетских дворах относительно скромно праздновали рождения детей, что было связано с высокой смертностью новорожденных. В связи с этим первым настоящим семейным торжеством шляхтича было крещение, в котором доминировали религиозные элементы. Однако при этом не обходилось без праздничного обеда, после которого организовывали танцы и фейерверки [BPP. Nr 26, s. 14, 57; AGAD (Archiwum Radziwillowskie). Dz. VI. Nr 80a, s. 1139, 1251, 1421; KP. 1731. No. 54, 59, 61, 66. 1732. No. 196, 115, 126, 127; Żeromska-Ciesielska, 2001, s. 65–74]. В дальнейшем именины в перечне значимых событий человека имели большее значение, чем день рождения. Но это не было строгим правилом. Названный уже ранее князь Михаил-Казимир Радзивилл некоторые дни рождения праздновал скромно и набожно, а в других случаях задавал пиры с балами и танцами до поздней ночи. Такие развлечения были почти обязательным элементом его именинных празднеств, если только он не пребывал в поездках. На пирах и балах князь «торжественно» угощал приглашенных родственников и окрестную шляхту («граждан»). Впрочем, надо справедливости ради заметить, что Михаил-Казимир с неменьшим усердием организовывал празднества для своих жен и детей. Обычно их именины начинались с утреннего пения «Te Deum Laudamus», а продолжались обедом и ужином, вкушаемыми под пущечные залпы и «янычарскую» музыку с танцами даже во время поста, как это было в 1754 г. [AGAD (Archiwum Radziwillowskie). Dz. VI. Nr 80a, s. 204, 1130, 1191, 1233, 1252, 1328, 1370, 1387, 1415, 1432, 1590].

Подобно Михаилу-Казимиру, дни рождения и именины праздновали и другие Радзивиллы, а также Браницкие, Любомирские, Чарторыйские, Понятовские, Сапегы – иными словами, представители почти всех магнатских и шляхетских родов [BPP. Nr 26, s. 2–3, 8–9, 19–20, 74, 77; Hieronima Floriana Radziwiłła diariusz i pisma różne, s. 150; Tende, s. 53–54; Popiołek, s. 96–108]. Обязательными элементами таких торжеств были иллюминации и фейерверки, игры, бой колоколов, пушечные залпы и стрельба из другого огнестрельного оружия, а главное – балы и пиры. На последних на столах появлялись все виды мяса, из которых приготавливали затейливые блюда, неожиданные по вкусу и по исключительному способу их подачи. В XVIII в. все большее значение начали придавать роскошным кондитерским изделиям. Алкоголь подавали в значительных количествах и разных видов, главным образом вина (венгерское, итальянское, французское и рейнское), водку, реже – традиционное в Короне пиво, а в Литве – сытный мед. Многочисленные тосты провозглашались в соответствии с придворным этикетом: в первую очередь за здоровье монарха, новобрачных или виновника торжества, позднее переходя к близкому семейному кругу и патронам. Алкоголь очень часто употребляли чрезмерно, но того требовала традиция [Tende, s. 267–270; Kitowicz, s. 234–236]. В этом празднества при магнатских, и тем более шляхетских дворах отличались от застолий королевского двора, при котором, особенно во времена правления Августа III и Станислава-Августа, алкоголь употребляли в небольших количествах.

Наиболее утонченными развлечениями в XVIII в., явно в подражание королевскому двору, считались музыкальные концерты, театральные и оперные представления. Их постановки обходились, однако, недешево, и только богатейшие магнаты могли себе это позволить. К ним относились князья Радзивиллы и Чарторыйские. Михаил-Казимир и его брат Иероним-Флориан построили в своих резиденциях в Несвиже и Белой специальные театральные и музыкальные здания со зрительными залами, сценическими подмостками, авансценой и кулисами. Три поколения Радзивиллов имели собственные капеллы, театральные труппы и оркестры [BPP. Nr 26, s. 6–98; Bienkowska, s. 172–182].

Оба Радзивилла следовали тогдашней моде, которая велела перестраивать или заново возводить резиденции таким образом, чтобы они могли располагать соответствующим пространством для проведения самых разных торжеств как семейного, так и публичного характера. На протяжении нескольких веков необходимым элементом усадебной застройки был большой зал, располагавшийся, как правило, в бельэтаже. По-разному называемый, он выполнял несколько функций – бального, обеденного, театрального зала, а также места чествований владельцев резиденции. В нем приветствовали гостей и организовывали богатые приемы. В XVIII в. одного такого зала уже было недостаточно, необходимы были другие презентационные по-

мещения: передняя, подъезд, вестибюль перед большим залом или парадные палаты, а также картинная галерея с портретами членов рода. В некоторых дворцах пробовали совмещать практичность интерьеров с представительскими функциями королевских резиденций (особенно это касалось Бурбонов и Веттинов): этому учили трактаты того времени, посвященные придворному церемониалу и архитектуре резиденций. Можно перечислить ряд дворцов, в которых организация интерьеров была подчинена правилам придворного церемониала и была приспособлена для парадных торжеств (например, Кристинополь, Ляховцы, Ланьцут, Ридзин, Струнье, Теофилеполь или Вишневец). Существенное значение соответствующей планировке интерьеров придавали Радзивиллы, что нашло выражение в перестройке Ольки и Несвижа или в самом дерзновенном, но неосуществленном проекте преобразования дворца в Белой [Bernatowicz, s. 274–292; Betlej, s. 166–231].

Кроме самого дворца или замка и двора, важную роль играло окружавшее их пространство, тоже приспособленное для церемониальных нужд. Это в первую очередь касалось парков, чья барочная планировка обогащалась такими архитектурными элементами, как пирамиды, колонны, обелиски, фонтаны, алтари, банкетные и фейерверочные павильоны. Пригодными для презентационных целей оказывались и фортификационные объекты, хотя и потерявшие в XVIII в. свое военное значение, но подчеркивавшие блеск и военную славу рода. Более того, их могли использовать как элементы сценического пространства. Из башен и барбаканов давались пушечные залпы и запускались фейерверки, с них можно было наблюдать за инсценировками морских сражений, например, представляемых в Несвиже в пойме р. Уши [Bernatowicz, s. 202]. При самых дерзновенных воплощениях приспособляли для церемониальных нужд не только дворцово-парковые ансамбли, но и всю окружающую их местность, даже целый город. Ян-Клеменс Браницкий, например, не только видоизменил Белосток с окрестностями, но и перепланировал дороги таким образом, чтобы экспонировать с них свою великолепную резиденцию и сделать въезд и выезд из города наиболее эффектными [Pałac Branickich w Białymstoku, s. 91–101].

При приеме гостей для многих из сановников важна была возможность воссоздания королевского церемониала. Некоторые из них устраивали из приемов полуофициальные аудиенции в сопровождении дворских и частной милиции, экипированной по образцу регулярных солдат. По свидетельствам современников, многие из магнатов выступали перед администраторами, служащими и арендаторами имений почти как удельные повелители, принимая от них во время публичных аудиенций полагающиеся чинши² и доходы,

---

² Чинш – в Речи Посполитой оброк (деньгами), платившийся с земли или дома, отданных в чужое продолжительное владение.

а в крайнем случае и ленное преклонение. Такой церемониал существовал в XVIII в. при дворах Александра-Августа Чарторыйского, Франца-Салезия Потоцкого, Станислава Любомирского, Станислава Свидзинского, Антония-Варнавы и Юзефа-Александра Яблоновских [Betlej, s. 231–247; Bernatowicz, s. 271].

Многие магнаты и зажиточные шляхтичи старались и выезды за пределы своей резиденции превращать в церемониальные торжества по образцу королевских. Совершались они в сопровождении войска или по крайней мере дворской милиции, приглашенных министров, сенаторов и сановников Речи Посполитой и окрестной шляхты. При организации таких процессий города, в которые они въезжали, украшались праздничными объектами, в том числе триумфальными арками; фасады домов убирали тканями и зеленью, организовывали залпы огнестрельного оружия и задавали пиры; с течением времени стали популярны фейерверки и иллюминации [КР. 1730. No. 17. 1732. No. 132. 1745. No. 425. 1757. No. 45; Bernatowicz, s. 195, 271; Chroscicki, 2004, s. 81; Betlej, s. 126–128].

В XVIII в. к группе публичных торжеств, организованных магнатами и шляхтой, присоединились коронации образов и скульптур, признанных чудодейственными, а также переносы святых реликвий. За столетие их насчитывается 28, оплаченных магнатскими родами Цетнеров, Яблоновских, Любомирских, Огинских, Радзивиллов, Сапег, Собеских, Тышкевичей, а большей частью Потоцких. Это были необычайно дорогостоящие предприятия, так как, кроме самих торжеств, расходов требовали процесс признания изображения чудодейственным, получение папского согласия на коронацию, исполнение короны и ее освящение в Риме, соответствующие наряды для коронованного изображения и украшение святыни. К этому нужно было добавить столь характерные для церемониальных въездов и актов коронации королей триумфальные ворота, украшенные образами, гербовыми картушами, символами Девы Марии и позолоченными архитектурными деталями. Коронационные торжества такого рода продолжались, как правило, несколько дней, а участвовало в них от нескольких тысяч до 200 тысяч человек (как на Ясной Горе в 1717 г.), в первую очередь духовенство и наиболее важные гости с епископами и сенаторами во главе, музыкальные капеллы и осуществлявшие почетное сопровождение военные отряды и дворская милиция. При этом почти непрерывно звучала музыка, а пушечные и ружейные залпы гремели в начале, в конце торжества и в его наиболее кульминационные моменты. Разумеется, наиважнейшими элементами празднеств были мессы и сам акт коронации изображений, после которого, как и на монарших коронациях, разбрасывали специальные медальоны, так называемые «коронатки». В рамках таких торжеств присутствовали и другие характерные для светских придворных мероприятий элементы – пиры с тостами и фейерверки [Ciesielski, 2004, s. 193–211].

Подытоживая, следует констатировать, что в XVII и в первых десятилетиях XVIII в. под влиянием королевских дворов (как польского, и так зарубежных), в магнатских и шляхетских дворах Речи Посполитой возникли и укоренились новые формы организации церемоний и празднеств. Это было связано как с поисками шляхетским сословием новых средств для подчеркивания своего равного статуса с королями, так и с демонстрацией превосходства над простонародьем, удовлетворения тщеславия и честолюбия шляхты (ил. 1–3 на цв. вклейке). Если же для этих целей у кого-то из шляхтичей не хватало средств, то они находили необходимое при магнатских дворах, пополняя круг клиентелы. В результате к середине XVIII в. (по всей видимости, исключительно при дворах богатейших магнатов, притязавших на статус владетельных государей своих латифундий) кодифицировался дворский церемониал. Его строгие формы возникли по большей мере в результате адаптации образцов королевского церемониала. Однако значительным оставалось также влияние «сарматской» традиции, которая особенно сильно отражалась в религиозных и частных элементах празднеств.

Определенная унификация придворных церемоний, происходившая по всей Европе со второй половины XVII в., главным образом под влиянием французского эталона, известная польским магнатам и шляхте, позволяла им сравнивать организацию придворных и публичных торжеств, проходивших в других странах. Одной из них была Россия, которая после реформ Петра приняла церемониал императорского двора, основанный на западноевропейских образцах, сохранив при этом элементы традиционного, известного с XVI в. своим размахом. Вследствие этого торжества, проводимые в Петербурге или Москве, часто восхищали приезжих поляков и литовцев, что видно, к примеру, в описаниях празднеств, устраивавшихся ежегодно с 1709 г. в ознаменование Полтавской битвы, императорских коронаций и именин. С другой стороны, если было необходимо, они умели включаться в организацию таких празднеств. Прибывший в январе 1743 г. в Петербург посол Игнаций Огинский организовал в начале апреля, во время первой годовщины коронации Елизаветы Петровны, иллюминацию, которая, как он хвалился коронному канцлеру, была «лучшая во всем Петербурге... со значительными издержками выставлена» [AGAD (Archiwum Koronne Warszawskie). Dz. Rosyjski. Nr 57f. No 6. K. 1v]. В дальнейшем польско-литовская шляхта, перейдя в конце XVIII в. под царский скипетр, легко приспособилась к церемониалу русского двора. В то же время царские власти долго допускали культивирование местного церемониала с «сарматскими» корнями в имениях польской аристократии и зажиточной шляхты.

Список литературы

AGAD (Archiwum Radziwillowskie). Dz. VI. Nr 80a; Dz XXXIV. Nr 111; (Archiwum Koronne Warszawskie). Dz. Rosyjski. Nr 57f. No 6.

Alewyn R. Das große Welttheater. Die Epoche der höfischen Feste. München : C. H. Beck, 1989. 139 S.

APL (Zbior Bartoszewiczow). Nr 265.

BC – Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Nr 2740.

Bernatowicz T. Mitra i buława. Królewskie ambicje książąt w sztuce Rzeczypospolitej szlacheckiej (1697–1763). Warszawa : Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2011. 558 s.

BPP – Biblioteka Polska w Paryżu. Nr 26.

Ceremonial Entries in Early Modern Europe. The Iconography of Power / ed. by J. R. Mulryne, M. I. Aliverti and A. M. Testverde. Dorchester : Ashgate, 2015. 391 p.

Chróścicki J. A. Pompa funebris. Z dziejów kultury staropolskiej. Warszawa : PWN, 1974. 369 s.

Ciesielski T. Koronacje cudownych obrazów w osiemnastowiecznej Rzeczypospolitej // Cywilizacja prowincji Rzeczypospolitej szlacheckiej / red. A. Jankowski, A. Klonder. Bydgoszcz : Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego, 2004. S. 195–212.

Ciesielski T. Podróże eksportacyjne w czasach saskich // Samotrzcęć, w kompanii czy z orszakiem? / red. M. Saczyńska, W. Wólkiewicz. Warszawa : Wydawnictwo Instytutu Archeologii i Etnologii PAN, 2012. S. 515–532.

Ciesielski T. Anniversary Celebrations in Saxony and Poland during the Reign of Augustus II and Augustus III // Anniversary Celebrations in Poland and Silesia / ed. by T. Ciesielski. Opole ; Zabrze ; Tarnowskie Góry : Inforteditons, 2014. P. 23–39.

Dalewski Z. Ceremoniał koronacyjny królów polskich w XV i początkach XVI wieku // Kwartalnik Historyczny. 1995. Vol. 102. No. 3–4. S. 37–60.

Fabiani B. Warszawski dwór Ludwika Marii. Warszawa : PIW, 1976. 150 s.

Hieronima Floriana Radziwiłła diariusz i pisma różne / red. M. Brzezina. Warszawa : Energeia, 1998. 264 s.

Hofmann C. Das spanische Hofzeremoniell von 1500–1700. Frankfurt a/M ; Bern : Verlag Peter Lang, 1985. 315 S.

Kitowic J. Opis obyczajów za panowania Augusta III / oprac. M. Dernałowicz, Z. Gołński. Warszawa : PIW, 1985. 434 s.

Kodzic J. Ceremoniał polskiego dworu królewskiego w XVII wieku z perspektywy niemieckich uczonych. Warszawa : Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie, 2015. 264 s. KP – Kurier Polski. 1729–1760.

Kutrzeba S. Źródła polskiego ceremoniału koronacyjnego // Przegląd Historyczny. 1911. T. 12. Nr. 2. S. 149–164.

Pałac Branickich w Białymstoku / red. K. Łopatecki, W. Walczak. Białystok : Instytut Badań nad Dziedzictwem Kulturowym Europy, 2012. Cz. 1. Inwentarze z XVII i XVIII stulecie. Part 1. 295 s.

Panfil T. Numizmaty w polskim ceremoniale dworskim XVI–XVII wieku // Studia nad sztuką renesansu i baroku. T. 9. Ceremoniał i obyczaj w XVI–XVIII wieku / red. J. Lileyko, I. Rolska-Boruch. Lublin : Towarzystwo Naukowe KUL, 2008. S. 149–164.

Popiołek B. Szlachcic się żeni. Publiczny odbiór prywatnych ceremonii w pierwszej połowie XVIII w. // Sapientia ars vivendi putanda est. Wokół polityki i kultury / red. A. Perłowski, F. Wolański, B. Rok. Kraków ; Wrocław : Księgarnia Akademicka, 2019. S. 93–113.

Solnon J.-F. La cour de France. Paris : Perrin, 2014. 866 p.

Staszewski J. Polacy w osiemnastowiecznym Dreźnie. Wrocław : Ossolineum, 1986. 183 s.

Staszewski J. August III Sas. Wrocław : Ossolineum, 2010. 336 s.

Taracha C. Ceremoniał i etykieta na dworze hiszpańskich Burbonów w XVIII w. // Studia nad sztuką renesansu i baroku. T. 9. Ceremoniał i obyczaj w XVI–XVIII wieku / red. J. Lileyko, I. Rolska-Boruch. Lublin : Towarzystwo Naukowe KUL, 2008. S. 101–111.

Tende G. de. Relacja historyczna o Polsce / przekład i red. T. Falkowski, wstęp M. Forycki. Warszawa : Muzeum Pałac w Wilanowie, 2013. 301 s.

Żeromska-Ciesielska M. Narodziny i chrzciny. Próba charakterystyki fragmentu obyczajowości czasów saskich // Wesela, chrzciny i pogrzeby w XVI–XVIII wieku. Kultura życia i śmierci / red. H. Suchojad. Warszawa : Naukowe Sempur, 2001. S. 65–74.

Żeromska-Ciesielska M. Religijność i obrzędowość świecka rodziny szlacheckiej na przykładzie domów Zawiszów i Szymków // *Cywilizacja prowincji Rzeczypospolitej szlacheckiej* / red. A. Jankowski, A. Klonder. Bydgoszcz : Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego, 2004. S. 177–194.

Żórawska-Witkowska A. Muzyka na polskim dworze Augusta III w Warszawie. Cz. 1. Lublin : Muzyczne Polihymnia, 2012. 602 s.

References

AGAD (Archiwum Radziwiłłowskie). Dz. VI. Nr 80a; Dz XXXIV. Nr 111; (Archiwum Koronne Warszawskie). Dz. Rosyjski. Nr 57f. No 6.

Alewyn, R. (1989). *Das große Welttheater. Die Epoche der höfischen Feste*. München, C. H. Beck. 139 S.

APL (Zbior Bartoszewiczow). Nr 265.

BC – Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Nr 2740.

Bernatowicz, T. (2011). *Mitra i buława. Królewskie ambicje księząt w sztuce Rzeczypospolitej szlacheckiej (1697–1763)*. Warszawa, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego. 558 p. BPP – Biblioteka Polska w Paryżu. Nr 26.

Brzezina, M. (Ed.). (1998). *Hieronima Floriana Radziwiłła diariusz i pisma różne*. Warszawa, Energeia. 264 p.

Chróścicki, J. A. (1974). *Pompa funebris. Z dziejów kultury staropolskiej*. Warszawa, PWN. 369 p.

Ciesielski, T. (2004). Koronacje cudownych obrazów w osiemnastowiecznej Rzeczypospolitej. In Jankowski, A., Klonder, A. (Eds.). *Cywilizacja prowincji Rzeczypospolitej szlacheckiej*. Bydgoszcz, Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego, pp. 195–212.

Ciesielski, T. (2012). Podróże eksportacyjne w czasach saskich. In Saczyńska, M., Wólkiewicz, W. (Eds.). *Samotrzeć, w kompanii czy z orszakem?* Warszawa, Wydawnictwo Instytutu Archeologii i Etnologii PAN, pp. 515–532.

Ciesielski, T. (2014). Anniversary Celebrations in Saxony and Poland during the Reign of Augustus II and Augustus III. In Ciesielski, T. (Ed.). *Anniversary Celebrations in Poland and Silesia*. Opole, Zabrze, Tarnowskie Góry, Inforteditions, pp. 23–39.

Dalewski, Z. (1995). Ceremoniał koronacyjny królów polskich w XV i początkach XVI wieku. In *Kwartalnik Historyczny*. Vol. 102. No. 3–4, pp. 37–60.

Fabiani, B. (1976). *Warszawski dwór Ludwika Marii*. Warszawa, PIW. 150 p.

Hofmann, C. (1985). *Das spanische Hofzeremoniell von 1500–1700*. Frankfurt a/M, Bern, Verlag Peter Lang. 315 S.

Kitowic, J. (1985). *Opis obyczajów za panowania Augusta III* / oprac. M. Dernałowicz, Z. Goliński. Warszawa, PIW. 434 p.

Kodzik, J. (2015). *Ceremoniał polskiego dworu królewskiego w XVII wieku z perspektywy niemieckich uczonych*. Warszawa, Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie. 264 p. KP – *Kurier Polski*. 1729–1760.

Kutrzeba, S. (1911). Źródła polskiego ceremoniału koronacyjnego. In *Przegląd Historyczny*. T. 12. Nr. 2, pp. 149–164.

Łopatecki, K., Walczak, W. (Eds.). (2012). *Pałac Branickich w Białymstoku*. Białystok, Instytut Badań nad Dziedzictwem Kulturowym Europy. Cz. 1. Inwentarze z XVII i XVIII stulecie. Part 1. 295 p.

Mulryne, J. R., Aliverti, M. I., Testverde, A. M. (Eds.). (2015). *Ceremonial Entries in Early Modern Europe. The Iconography of Power*. Dorchester, Ashgate. 391 p.

Panfil, T. (2008). Numizmaty w polskim ceremoniale dworskim XVI–XVII wieku. In Lileyko, J., Rolska-Boruch, I. (Eds.). *Studia nad sztuką renesansu i baroku. T. 9. Ceremoniał i obyczaj w XVI–XVIII wieku*. Lublin, Towarzystwo Naukowe KUL, pp. 149–164.

Popiołek, B. (2019). Szlachcic się żeni. Publiczny odbiór prywatnych ceremonii w pierwszej połowie XVIII w. In Perłakowski, A., Wolański, F., Rok, B. (Eds.). *Sapientia ars vivendi putanda est. Wokół polityki i kultury*. Kraków, Wrocław, Księgarnia Akademicka, pp. 93–113.

- Solnon, J.-F. (2014). *La cour de France*. Paris, Perrin. 866 p.
- Staszewski, J. (1986). *Polacy w osiemnastowiecznym Dreźnie*. Wrocław, Ossolineum. 183 p.
- Staszewski, J. (2010). *August III Sas*. Wrocław, Ossolineum. 336 p.
- Taracha, C. (2008). Ceremoniał i etykieta na dworze hiszpańskich Burbonów w XVIII w.. In Lileyko, J., Rolska-Boruch, I. (Eds.). *Studia nad sztuką renesansu i baroku. T. 9. Ceremoniał i obyczaj w XVI–XVIII wieku*. Lublin, Towarzystwo Naukowe KUL, pp. 101–111.
- Tende, G. de. (2013). *Relacja historyczna o Polsce /* przekład i red. T. Falkowski, wstęp M. Forycki. Warszawa, Muzeum Pałac w Wilanowie. 301 p.
- Żeromska-Ciesielska, M. (2001). Narodziny i chrzciny. Próba charakterystyki fragmentu obyczajowości czasów saskich. In Suchojad, H. (Ed.). *Wesela, chrzciny i pogrzeby w XVI–XVIII wieku. Kultura życia i śmierci*. Warszawa, Naukowe Semper, pp. 65–74.
- Żeromska-Ciesielska, M. (2004). Religijność i obrzędowość świecka rodziny szlacheckiej na przykładzie domów Zawiszów i Szyrmów. In Jankowski, A., Klonder, A. (Eds.). *Cywilizacja prowincji Rzeczypospolitej szlacheckiej*. Bydgoszcz, Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego, pp. 177–194.
- Żórawska-Witkowska, A. (2012). *Muzyka na polskim dworze Augusta III w Warszawie*. Cz. 1. Lublin, Muzyczne Polihymnia. 602 p.

The article was submitted on 10.01.2020

Иллюстрации к статье:
Мариуш Савицкий. Торжества при берлинском дворе
в донесениях секретаря английского посла Филиппа Плантамюра

Illustration for the article:
Mariusz Savicki. Celebrations at the Berlin Court as Reported by Secretary
of the English Ambassador Philip Plantamour

А. фон Вернер. Коронация Фридриха I Прусского. 1883–1887

A. von Werner. Coronation of Frederick I of Prussia. 1883–1887

Иллюстрации к статье:
Томаш Цесельский. Придворные королевские церемонии
и их рецепция в праздничной жизни Речи Посполитой

Illustration for the article:
Tomasz Ciesielski. Celebrations at the Royal Court and Their Reception
in the Festive Life of the Polish-Lithuanian Commonwealth

1. К. Шлегель. Полонез под открытым небом. 2-я половина XIX в.

K. Szlegel. Open Air Polonaise. 2nd half of 19th century

2. Я. Хельминский. Покидая замок. 1884
J. Chelminski. Leaving the Castle. 1884

3. Я. Хельминский. Поездка эlegantных господ в экипаже. 1883
J. Chelminski. Carriage Ride of an Elegant Society. 1883